

Сяо Лян не торопился. Прямо при Цзи Лане он переоделся в свежую одежду и бросил ему другой комплект. Цзи Лань не мог понять, что у того на уме, и, не смея перечить, принял одежду и переоделся.

— Сегодня ночью ты — лишь волна в океане, а я — сон феникса. Ты когда-то говорил мне не впадать в крайности радости и печали. Тогда я думал, это из-за наказа лекаря, что ты просто обо мне заботился. Но теперь, похоже, это был особый наказ великого мастера Цзинкона, не так ли?

Цзи Лань не понимал, к чему Сяо Лян вдруг клонит, и честно ответил:

— Да.

— Какие у тебя с великим мастером Цзинконом отношения?

— Великий мастер Цзинкон — старый друг генерала Гу. Какие уж тут могут быть связи? Фэн Мяннь, ты слишком многого надумал.

— Слишком многого? Ладно. Тогда скажи: если ты и Цзинкон не знакомы, почему он, когда меня лечил, потребовал твоей помощи?

— Это... — Цзи Лань запнулся, надолго потеряв дар речи.

Сяо Лян уставился на него, словно пытаясь взглядом прожечь дыру. Цзи Лань недоумевал: что же произошло за время его отлучки, что вернувшийся Сяо Лян стал таким?

Ему стало невыносимо видеть этот испытующий взгляд, и он выпалил:

— Ладно, скажу прямо: он мой учительский дядя.

Сяо Лян, казалось, вовсе не удивился.

— Если он может меня лечить, значит, вы оба знали, что я не болен, а отравлен? Или ты, прыгнув в озеро Тайе мне на помощь, уже знал, что яд во мне проявится? Цзинкон тоже заранее знал, соглашаясь помочь генералу Гу меня исцелить? Что бы генерал Гу ни делал, второй брат наверняка в курсе, значит, даже он знал, что я отравлен Опьянением Бессмертного, верно?

Цзи Лань никак не ожидал, что Сяо Лян узнает об Опьянении Бессмертного, и уж тем более — что заподозрит его в корысти. Он опустил голову, подумал и спросил:

— Фэн Мяннь, неужто ты считаешь, что среди генерала Гу, князя Чжао, учительского дяди Цзинкона и меня есть тот, кто тебя отравил?

Сяо Лян ответил:

— На этот вопрос ответ должен дать ты.

Цзи Лань поднял на него взгляд.

— Если бы генерал Гу хотел тебе навредить, зачем бы он ехал за тридевять земель в Линьчэн, чтобы пригласить учительского дядю? Будь с тобой что-то серьезное, для князя Чжао угроза в борьбе за престол уменьшилась бы, и он бы только порадовался. Выходит, генералу Гу не только не нужно было звать учительского дядю, но и следовало помешать князю Чжао,

получившему его, спешить в столицу тебя спасать. Знаешь ли, что в тот день князь Чжао был ранен за городом, но всё равно, не залечив раны, поспешил во дворец, боясь, как бы твоё состояние не ухудшилось? Будь у учительского дяди дурные намерения, зачем бы он стал тебя лечить? И зачем бы вызывал меня ночью во дворец в помощь?

Сяо Лян был поставлен в тупик, но не сдавался.

— А ты? Почему не сказал ни слова в свою защиту?

Цзи Лань горько усмехнулся.

— Я полагал, что мой прыжок в озеро Тайе ради тебя и есть лучшая защита. Видно, сегодня я ошибся.

Сяо Лян смотрел на него ошеломлённо. С тех пор как он узнал истинное лицо отца, и особенно — что был отравлен Опыянием Бессмертного, он мысленно перебирал прошлое. Всю дорогу от города до усадьбы его сердце бушевало, словно в шторм. Казалось, за этот один день все вокруг стали ненадёжными, и в каждом деле таилась подвох.

Слова Цзи Ланя вмиг отрезвили его. Да, даже если второй брат и использовал его, чтобы подставить четвёртого, забота с детства была искренней. Генерал Гу, несомненно, поехал к Цзинкону по его просьбе. Когда наложница Чэнь Лю прислала фрукты, пропитанные Ароматом Семи Увечий, Цзинкон тоже изо всех сил его предостерегал. Как же он мог сомневаться в этих людях?

Он взглянул на Цзи Ланя: тот стиснул зубы, и на лице его читалось унижение. Он явно гневался, что его искреннюю заботу приняли за корысть.

При этой мысли сердце Сяо Ляна вдруг потеплело. Что бы ни было, на этом свете, кроме матери и третьего брата, есть те, кто к нему добр. В порыве чувств долго сдерживаемые эмоции прорвались наружу, и он выплюнул кровь.

Цзи Лань в ужасе подхватил его, принялся похлопывать по спине и, когда тот отдышался, заговорил:

— Фэн Мянью, успокойся. Просто мысли пошли не туда, я на тебя не в обиде. Ты ни в коем случае не должен так волноваться. Я ещё не достал Пиллюлю Нефритового Кардамона, если не возьмёшь себя в руки и вызовешь действие яда Травы Сотни Увяданий, что тогда делать будем?

Сяо Лян поднял голову.

— Что за Пиллюля Нефритового Кардамона?

Цзи Лань понял, что проговорился, и, видя, что скрывать бесполезно, признался:

— Яд Травы Сотни Увяданий в твоём теле требует для излечения Пиллюли Нефритового Кардамона. Иначе со временем он сильно подорвёт твоё здоровье.

— Ты сказал, хочешь её для меня раздобыть?

Цзи Лань кивнул.

— Да. Она должна быть у моего учителя, но я только что узнал, что попала к учительскому дяде Мо Сюань.

— Откуда узнал? Ты виделся с учителем?

— Именно. Я хотел спросить учителя, где искать Ненависть Десяти Направлений, но неожиданно выведал про пилюлю.

— Почему же ты тогда кровью харкал? Поссорился с учителем? С чего это он здесь объявился?

— Пустяки, просто учитель с учеником пошутили. Старик немного переборщил, я за ночь восстановлюсь.

Услышав это, Сяо Лян хотел оставить его отдыхать, но Цзи Лань схватил его за руку. Сяо Лян обернулся, глядя с недоумением, — вышло премило.

Цзи Лань внимательно разглядел его и добавил:

— Впредь берегись сильных эмоций. Будь ещё такой срыв, как сегодня, — лишь усилится действие яда Травы Сотни Увяданий. Тогда и Пилюля Нефритового Кардамона может не помочь.

— А почему ты не спросил, где я был днём?

— Ты тоже не спросил, кто подсыпал тебе Опьянение Бессмертного.

Сяо Лян тихо рассмеялся.

— Выходит, ты и вправду знаешь, кто?

Цзи Лань попался, что его немало досадовало.

— Несчастливо, несчастливо! Попался на слове.

Сяо Лян покачал головой.

— Не хочешь говорить — не буду принуждать. Ты упомянул Ненависть Десяти Направлений — это разве не снадобье от яда старшего брата? Мой яд не страшен, лишь бы не волноваться. А вот Ненависть Десяти Направлений... где её, интересно, искать?

Не успел он договорить, как в комнату вошёл Юнь Чжао.

— Я знаю, где она.

Увидев его, Сяо Лян возмутился:

— Как смеешь подслушивать!

Юнь Чжао не стал оправдываться, лишь повернулся к Цзи Ланю.

— Хочешь узнать, где Ненависть Десяти Направлений, — покажи, на что действительно способен.

Цзи Лань уже собирался что-то сказать, как в комнату ворвался Сяо Цзюэ.

— Двоюродный брат, иди скорее! Старший брат снова кровью харкает!

Сяо Цзюэ собирался отсиживаться в покоях Сяо Цяня, не показываясь Юнь Чжао, но,

ухаживая за братом, увидел, как тот вдруг поднялся и выплюнул несколько комьев крови. Не думая более ни о чём, он помчался за советом к Цзи Ланю.

Цзи Лань, услышав это, тут же последовал за ним в передний двор; Сяо Лян и Юнь Чжао — следом.

Сяо Цянь по-прежнему спал, но состояние явно ухудшилось: после кровавой рвоты пульс стал слабее. Цзи Лань тщательно прощупал пульс и вздохнул:

— Очнись он — продержится дольше. Но раз не приходит в себя, промедление смерти подобно.

Услышав это, Сяо Цзюэ в падении опустился у изголовья и принялся причитать:

— Баньлинь, Баньлинь! Очнись же! Скажи, что так тебя опечалило, что решил меня покинуть! Хотя бы дай мне понять, в чём я, Ачжу, провинился! Встань сейчас, бей, ругай — только не пугай так!

Сяо Лян, видя его состояние, поспешил оттащить в сторону, а сам повернулся к Юнь Чжао.

— Ты говорил, знаешь, где Ненависть Десяти Направлений?

Сяо Цзюэ поднялся, уставившись на Юнь Чжао.

— Ты кто такой? С чего ведаешь про Ненависть Десяти Направлений? Неужто и ты от наложницы Шу Цзи?

Его слова насторожили Цзи Ланя и Сяо Ляна. Оба смотрели на Юнь Чжао с подозрением, словно опасаясь, как бы тот не навредил Сяо Цяню.

Юнь Чжао, видя их боевую готовность, сказал:

— Не смотрите на меня так. Будь я человеком наложницы Шу Цзи, сидел бы себе да ждал, пока князь Юэ от яда скончается. К чему мне раскрываться и навлекать подозрения?

<http://bllate.org/book/15946/1425790>